

Живое всегда цепляется за жизнь, не желает мириться с неизбежным. Для «старой» России, уцелевшей в огне гражданской войны, экспериментах государственного капитализма и военного коммунизма, в 1921-м году вновь вспыхивает надежда. Но нэп для многих стоящих у власти оказывается лишь новым этапом гражданской войны «нового» со «старым». Национализированная крупная промышленность нуждается для своего нормального функционирования в детальном государственном регулировании. Последнее может быть успешным, лишь разрушая все другие формы хозяйствования, подрывая тем самым и основы нэпа, несовершенные, непрочные, никак не гарантированные законодательно. Победила Административная система, проиграла все. Примерно так увидели картину гибели нэпа авторы двух предлагаемых читателю статей. Результаты анализа показателей экономического развития того периода, сделанного сегодня, и наблюдения внимательного, хотя и небеспристрастного современника во многом совпали, в чем-то дополняют, уточняют друг друга. Совпадение усиливает их общую позицию. Публикуя эти две статьи, редакция надеется возродить традицию отстаивать свои утверждения, опираясь на реальные факты и события.

ПОЧЕМУ И КОГДА ПОТЯГ НЭП

Размышления экономиста
Г. И. ХАМИНА

Около 60 лет почти все советские экономисты и историки прославляли гибель нэпа как величайшую победу социализма. Сторонников противоположной точки зрения можно было пересчитать по пальцам. Последние 2—3 года положение изменилось. Теперь в печати господствуют гимны нэпу как самому успешному периоду развития советского общества. Восхищаются чудесным возрождением экономики России после гражданской войны, высокой эффективностью экономики в тот период, созда-

нием твердой валюты. К нэпу обращаются за уроками при решении нынешних экономических проблем. Отмена нэпа в конце 20-х годов оплакивается как поворотный пункт в истории СССР, ознаменовавший победу Административной системы со всеми известными трагическими последствиями для жизни советского общества. Называются виновники этой гибели: Сталин и его окружение, пораженные военно-коммунистической идеологией аппаратчики, да еще отдельные слои общества (бедное крестьянство, часть рабочего класса, молодежи).

Теперь уже по пальцам можно посчитать сомневающихся в достоинствах нэпа. Но и в доводах сомневающихся в теории «заговора против нэпа» (назову Б. С. Пинскера, Г. Х. Попова, И. Клямкина, Ю. Голанда, в какой-то степени Р. Медведева) преобладают все же политические соображения. Гибель нэпа связывается чаще всего с глубоким противоречием между авторитарной политической системой и рыночными методами экономики (исключением являются, пожалуй, только Б. С. Пинскер и Г. Х. Попов, которые видят и экономические причины гибели нэпа).

Скажу сразу, что многое в аргументах, прославляющих нэп, мне представляется правильным и неопровержимым. Верно, что нэп был таким периодом экономического развития, когда ресурсы у нас использовались лучше всего. О сравнении с «военным коммунизмом» и говорить нечего: здесь разница в пользу нэпа впечатляет. Да и после нэпа хозяйство развивалось намного менее эффективно. Даже в лучший для Административной системы период, в конце 50-х годов, по сравнению с 1928 г. материалоемкость продукции народного хозяйства выросла на 30—35 %, а фондоотдача упала примерно на 15 %¹. Очень медленно росла производительность труда. Словом, все экономическое развитие носило сугубо экстенсивный характер. А если вспомнить о колоссальных человеческих жертвах этого периода, товарном голоде, огромном росте цен (особенно в довоенный период), то достоинства нэпа кажутся бесспорными. Не вызывает сомнений и роль авторитарной политической системы в гибели нэпа. О глубокой враждебности к рынку подавляющего большинства высших партийных и советских руководителей этого периода очень ярко, по личным впечатлениям, писал Н. Валентинов, фактический редактор органа ВСНХ «Торгово-промышленной газеты», в воспоминаниях, выпущенных в середине 50-х годов в эмиграции. Но ведь, несмотря на эту враждебность, не поддержали же они в середине 20-х годов сторонников Троцкого, призывавших к большему ограничению нэпа. Да и в 1928 г. борьба между Бухарицыным и Сталиным шла с переменным

¹ Расчеты приведены в статье автора, опубликованной в: Коммунист, 1988. N 17.

успехом: в ЦК и в Политбюро соотношение сил нередко оказывалось в пользу Бухарина, и Сталину приходилось отступать. Что же питало страх перед отказом от пэна? Думаю, что восставшие воспоминания о той войне, которую крестьянство вело против «военного коммунизма» и которую, после Тамбова и Кропштадта, все-таки выиграло. Да еще о хозяйственном развале периода «военного коммунизма». Нужны были очень серьезные обстоятельства, чтобы этот страх отступил. Видимо, перед еще большим страхом. Каким? Утратой власти? Но к этому времени всякая организованная оппозиция (монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики) была сломлена, а без организации даже существовавшие немалые антисоветские настроения серьезной опасности в ближайшем будущем не представляли. Скорее, наоборот: и с точки зрения сохранения власти большую опасность представлял тогда отказ от пэна, толкавший значительную часть населения, особенно зажиточных крестьян, на борьбу с властью.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР К КОНЦУ 20-Х ГОДОВ

Может показаться, что такое напоминание излишне: в сотнях книг об этом говорится подробно. Боюсь, однако, что многие специалисты далеко не точно оценивают ситуацию. Дело в том, что экономическая информация уже в 20-е годы была не совсем точной. Конечно, столь грубых, наглых искажений, как в последующие годы, тогда не было. И в ЦСУ, и в других экономических органах, где тогда велась статистика, работали чаще всего квалифицированные люди, честные и порядочные. Но приукрашивали действительность уже тогда. Напомню, что в 1926 г. Ф. Э. Держинский характеризовал отчетность промышленных трестов, как «фантастику», квалифицированное вранье... При этой системе выходит так, что врать можно, сколько угодно². Наряду с работниками предприятий вклад в это «квалифицированное вранье» внесли на начальной стадии пэна и работники ЦСУ. Они умудрились без всяких объяснений за один год «исправить» свои прежние данные таким образом, что получился для 1920 г. объем промышленной продукции по отношению к 1913 г. в размере 30 % вместо 20 %³ (с тех пор новая цифра вошла во все статистические справочники). Как показали последующие расчеты, проводимые по общепринятым в мировой статистике методам в Конъюнктурном институте Наркомфина СССР под руководством Я. П. Горчука, первоначальная цифра была верной... Уже с середины 20-х годов в ЦСУ СССР считали динамику продукции по отчетам предприятий об объ-

² Держинский Ф. Э. Избранные произведения. Т. 2. М., 1977. С. 497.

³ Крицман Л. И. Героический период русской революции. М., 1924. С. 157—158.

еме валовой продукции, что при росте цен неизбежно завышало результаты⁴.

В статье «Заметки экономиста» Н. И. Бухарин называл одну из важнейших задач, стоящих перед народным хозяйством: «Мы должны научно поставить дело нашего статистического учета»⁵.

Нашем анализ экономического положения СССР в 1928 г. со сравнения созданного в этом году национального дохода с дореволюционным уровнем. По данным наших источников, он вырос на 19 %⁶. Учитывая, что в

1913 г. Россия далеко (в 3—4 раза) отставала по уровню национального дохода от США, даже и этот рост свидетельствовал об огромном отставании от развитых капиталистических стран, где национальный доход вырос значительно больше (например, в США в 1,4 раза). Но реальное положение по этому ключевому показателю было намного хуже. Любопытно, что ЦСУ СССР в 20-е годы данные об объеме национального дохода в сравнении с 1913 г. вообще не публиковало, хотя методы расчета, конечно же, были в ЦСУ известны. Очевидно, просто исказить это соотношение не хоте-

⁴ Более подробно об этом автор писал (совместно с В. Селюниным) в статье «Лукавая цифра» (см.: Новый мир, 1987, N 2; Коммунист, 1983, N 17), а также в специальных журналах.

⁵ Бухарин Н. И. Набранные произведения. М., 1938, С. 417.

⁶ Народное хозяйство СССР в 1958 г., М., 1959, С. 52.

лось, по и правду говорить уже польза было, она противоречила другим, более благополучным цифрам того же ЦСУ.

Все источники — расчеты и крупнейшего русского экономиста С. И. Прокоповича в 1918 г., и советского экономиста А. Никольского в 1927 г., и Госплана СССР в том же 1927 г., и американского экономиста Фэлкуса в 60-е годы — дают один и тот же результат: национальный доход на территории России до 1939 г. составил 14,5—15 млрд руб. (в ценах 1913 г.)⁷. В 1927—1928 гг. по сравнению с 1913 г. индекс розничных цен вырос, по одним расчетам, в 1,97 раза (общеторговый индекс), по другим — в 2,07 раза (бюджетный), округленно в 2 раза. Строительный индекс, определяющий величину фонда накопления, вырос еще больше — в 2,45 раза⁸. С учетом долей фонда накопления и потребления в 1928 г. (0,85 и 0,15) получаем общий индекс цен для пересчета национального дохода, равный 2,07. Следовательно, объем национального дохода дореволюционной России в ценах 1928 г. составил 30—31 млрд руб. Национальный доход СССР в 1928 г. составил в текущих ценах 26,4 млрд руб.⁹ Таким образом, национальный доход оказался на 12—15 % ниже уровня 1913 г., душевое же его производство, с учетом роста населения на 5 %, уменьшилось на 17—20 %¹⁰.

Экономическая ситуация в свете такой оценки выглядит намного хуже, чем это представлялось в конце 20-х годов нашими статистиками. Уровень жизни трудящихся (крестьян и служащих) в 1928 г. был гораздо ниже, чем в 1913 г., несмотря на некоторое перераспределение национального дохода в их пользу (ликвидация помещиков и крупной буржуазии во многом компенсировалась ростом бюрократического аппарата). Служащие и крестьяне не разбирались в тонкостях статистики, но еще хорошо помнили свой дореволюционный уровень жизни, и его реальное снижение сильно влияло на их общественное настроение. Унала и обеспеченность жильем, так как при той же численности городского населения объем жилого фонда снижился примерно на 20 %¹¹.

Заметно снизила уровень жизни огромная безработица. В конце 20-х годов было около 1,5 млн безработных, что при численности рабочих и служащих 10,8 млн чел. составляло около 15 % — огромная

⁷ Вайнштейн А. Национальный доход России и СССР. М., 1989. С. 63, 66, 68.

⁸ Струмилин С. Г. Очерки социалистической экономики СССР. М., 1959. С. 35.

⁹ Вайнштейн А. Указ. соч. С. 98.

¹⁰ Впервые в советской литературе, насколько удалось установить, спихи в расчетах ЦСУ отметил А. Вайнштейн (Там же. С. 106), но его оценка (29 млрд руб.) несколько отличается от моей. Оценка А. Вайнштейна практически осталась незамеченной советскими экономистами. С учетом недооценки амортизации реально объем национального дохода был еще ниже, чем мы рассчитали.

¹¹ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 326.

величина. В капиталистических странах такой высокий удельный вес безработных в численности наемных работников бывает лишь в период острых кризисов.

Уточнение оценки величины национального дохода позволяет поэтому определить и динамику производительности труда. Занятость в материальном производстве выросла примерно на 11 %¹². В таком случае годовая производительность труда снизилась на 23 % по сравнению с 1913 г. Частично это связано с сокращением продолжительности рабочего дня. Но это относится только к сельскохозяйственному сектору, а он занимал тогда небольшую долю в общей занятости. Заметно выросла по сравнению с 1913 г. материалоемкость продукции. Об этом говорит сравнение изменения объема национального дохода с потреблением сырья. В то время как объем национального дохода снизился на 12 %, потребление топлива сохранилось на уровне 1913 г., потребление древесины превысило этот уровень примерно на 10 %.

По официальным данным, основные производственные фонды выросли по сравнению с 1913 г. на 30 %. Учитывая разрушения периода гражданской войны и почти полное прекращение капитального строительства с 1917 по 1925 г., такой рост нельзя считать реальным. По оценке С. Г. Струмилина, стоимость промышленно-производственных фондов с учетом износа сократилась к началу 1924 г. примерно на 10 %¹³. За 1924—1927 гг. это имущество выросло примерно на 20 %, т. е. в целом весь рост по сравнению с 1913 г. можно оценить в размере 10 %. Основные фонды железнодорожного транспорта выросли больше (в связи с огромным железнодорожным строительством в годы первой мировой войны их рост составил 30 %)¹⁴. Объем основных производственных фондов сельского хозяйства, видимо, остался на дореволюционном уровне, так как поголовье скота (главной части основных производственных фондов в сельском хозяйстве того времени) в переводе на крупный рогатый скот в 1928 г. не достигло еще уровня 1913 г.¹⁵ Эти три отрасли имели тогда почти равную величину основных производственных фондов, в связи с чем можно определить и общий рост основных производственных фондов по сравнению с 1913 г. — 13 %. Следовательно, фондоотдача в народном хозяйстве упала на огромную величину — на 25 %.

Тем, кто читал газеты 20-х годов, выступления руководителей партии и правительства того времени, наконец, художественные произведения того времени, особенно сатиру, вывод о низкой эффективности экономики в конце 20-х годов не покажется неожиданным. В прессе

¹² Анчишкин А. Н. Темпы пропорций экономического развития. М., 1967, С. 61. Данные на конец 1926 г.

¹³ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. С. 356, 359.

¹⁴ Там же. С. 423.

¹⁵ Струмилин С. Г. На плановом фронте, М., 1958, С. 294.

приводилась масса примеров вопиющей бесхозяйственности. Стремительный темп экономического роста в 20-е годы тоже не должен вызывать удивления: ведь речь шла о восстановительном периоде. При резервах производственных мощностей достаточно накормить город, чтобы на промышленные, транспортные, строительные предприятия потекли работающие. Именно это и произошло, когда отменили предразверстку и у крестьян появилась заинтересованность в увеличении производства. Нет сомнения, что переход предприятий общественного сектора на хозрасчет также содействовал повышению эффективности производства. По мере приближения к дореволюционному уровню возможности увеличения производительности труда утрачивались. Ее относительно высокий темп в 1926—1928 гг. был результатом далеко еще не оконченного восстановительного периода, чего не заметили многие наши экономисты и историки, введенные в заблуждение ложной статистикой. О том, сколь велики были резервы восстановительного периода, говорит хотя бы пример черной металлургии: в 1928 г. производство чугуна составляло лишь 75 % дореволюционного уровня, который был превзойден только в 1930 г.¹⁶ А ведь в 1929—1930 гг. были введены три новых крупных доменных печи.

ПРИЧИНЫ НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В конце 20-х годов они очевидны. Это крупнейшие бюрократические препоны. Хотя они были меньше, чем при военном коммунизме и в 30—80-е годы, но весь букет прелестей раздутого бюрократизма был налицо. Об этом имеется масса свидетельств в литературе того периода: чудовищно раздутые отчетность, штаты, невозможность предприятию решать даже самые мелкие вопросы. Например, списание лошади продолжалось полгода, на слом плохой уборной стоимостью 5 рублей нужен был декрет ВСНХ. Намного снизилось качество управленческих решений. Среди членов правления промышленных трестов велика была доля рабочих, основная часть которых (94,8 %) имели начальное образование. Энтузиазм не мог восполнить их низкий профессиональный и образовательный уровень. Многие опытные руководители производства погибли в гражданскую войну или эмигрировали.

Высшие государственные и хозяйственные органы были лучше обеспечены кадрами. Но отсутствие последовательности, импровизация, а часто и просто неразбериха, хаос были характерны для их деятельности. Достаточно прочесть письмо Ф. Э. Дзержинского В. В. Куйбышеву, написанное незадолго до смерти (3 июля 1926 г.),

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1938 г. С. 188.

В нем отражается то отчаяние, которое охватило руководство партии перед трудноразрешимыми задачами. Мы в оценении — вот вывод, к которому приходил Дзержинский. А ведь после смерти Дзержинского положение в руководстве страны еще ухудшилось. За один 1926-й год умерли или были устраниены с руководящих должностей такие сильные хозяйственные руководители, как, например, Красин и Сокольников.

После гражданской войны снизилась квалификация рабочих, много многих старых, опытных рабочих, погибших на войне или умерших от голода и болезней, заняли недавно пришедшие из деревни. На эффективности производства в сельском хозяйстве ощутимо сказывалась ликвидация в период «военного коммунизма» высокоэффективных хозяйств, принадлежащих помещикам и зажиточным крестьянам. Совхозы и колхозы оказывались малоэффективными. Потери периода гражданской войны и эмиграции тяжело сказывались на развитии науки, научно-технического прогресса. Новое пополнение инженеров и ученых зачастую имело невысокую квалификацию.

Из-за низкой эффективности экономики крайне ограниченными оказались финансовые ресурсы для расширения производства. С. Г. Струмилин в конце 20-х годов сопоставил рентабельность советской экономики того времени с дореволюционной. Результаты оказались обескураживающими. По отношению к основным фондам в 1913 г. рентабельность промышленности составляла 19,7 %, в 1928 г. — 10,9 %, на железнодорожном транспорте (к основным и оборотным) — соответственно 8,2 % и 2,5 %¹⁷.

В абсолютном выражении получаемая прибыль (с учетом роста цен) оказалась значительно ниже, чем до войны. Поскольку прибыль главным образом шла на расширение производства, воспользуемся для переоценки ее величины строительным индексом. Тогда окажется, что в промышленности создавалось прибыли на 20 % меньше, чем до войны, на железнодорожном транспорте даже в 4 раза меньше, в обеих отраслях вместе — в 2 раза меньше.

На уровень рентабельности в 1928 г. влияли не только отставание в уровне использования ресурсов по сравнению с дореволюционным уровнем. Сказывался и чрезмерный (по сравнению с изменением производительности труда) рост оплаты труда рабочих. Реальной заработной платой рабочих превзошла довоенный уровень на 20—30 %, в то время как годовая производительность труда, по реальным оценкам, в лучшем случае осталась на уровне 1913 г. Немного ниже, чем розничные, выросли оптовые цены промышленности и транспортные тарифы, но зато очень сильно, как мы докажем ниже, недооценивался объем основных производственных фондов. Так что все же

¹⁷ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. С. 399, 435.

решающим фактором пониженного уровня рентабельности в 1928 г. была низкая эффективность использования ресурсов.

В 1928 г. прирост основных фондов равнялся 3,3 млрд руб., что составило 3,3 % к объему основных фондов на начало 1928 г.¹⁸ При таком росте они за пятилетку могли вырасти лишь на 17—18 %. Это, конечно, было намного меньше намечавшихся фантастических темпов 70—90 % (они означали прирост за пятилетие почти такой же, как за всю многовековую историю России), но все же были довольно

¹⁸ Народное хозяйство СССР, М., 1932, С. 26.

впушительными. Однако и такой заметный рост был иллюзией. Он определялся во многом занижением оценки основных фондов. На это указывали ряд советских экономистов, в том числе крупнейший знаток этой проблемы Я. Б. Кваша¹⁹. Можно привести ряд доказательств такого занижения. Начну с самого простого. А. А. Аракелян в конце 30-х годов приводил данные о том, что ватера старых предприятий (вид текстильного оборудования) числятся на балансе в сумме 3—4 тыс. руб., а произведенные в 1936—1937 гг. той же мощности стоят 45—50 тыс.²⁰. При росте розничных цен в 5—6 раз (а оптовые росли примерно в таком же размере) с момента генеральной инвентаризации основных фондов промышленности в 1925 г. до 1936—1937 гг. получается недооценка оборудования в промышленности чуть ли не в два раза.

Занижение статистическими органами оценок объема отдельных элементов основных фондов отмечалось уже в конце 20-х годов. Так, С. Г. Струмилин противопоставил оценке ЦСУ СССР стоимости городских жилищных фондов по восстановительной стоимости без учета износа в 1926—1927 гг. в размере 13,9 млрд руб. оценку Госплана СССР в размере 20,2 млрд руб., т. е. на 45 % больше²¹.

Для проверки правильности указанных оценок мы рассчитали стоимость 1 м² введенного в 1928 г. жилья. Оказалось, что в 1928 г. в частном и обобщественном секторе в городах было введено 5,3 млн м² жилья стоимостью 603 млн руб.²², т. е. 114 руб. за 1 м². Между тем, в 1926—1927 гг. стоимость 1 м² жилья в городах оценивалась ЦСУ СССР в 64 руб. (216 млн м²²³ жилой площади стоимостью в 13,9 млрд руб.).

Для переоценки сельского жилого фонда Е. М. Тарасов, данными которого пользовалось ЦСУ СССР, исходил из индекса цен строительства в 1926—1927 гг. по отношению к 1913 г. в размере 1,73²⁴, в то время как в действительности он составлял 2,47²⁵, что также занижало объем основных фондов более чем на 40 %.

Для определения размера недоучета стоимости основных фондов в промышленности был проведен следующий расчет. Определялась стоимость 1 м² зданий в составе промышленных фондов по результатам генеральной инвентаризации 1925 г. и новых фондов, введенных в середине 20-х годов. К сожалению, статистические данные не позволяют установить стоимость самих зданий. Поэтому их стоимость оп-

¹⁹ Кваша Я. Б. Амортизация и сроки службы основных фондов. М., 1959. С. 101.

²⁰ Аракелян А. А. О переоценке основных фондов народного хозяйства // Проблемы экономики. 1938. № 5. С. 85.

²¹ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. С. 327.

²² Народное хозяйство СССР. М., 1932. С. 26.

²³ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. С. 327.

²⁴ Там же. С. 329.

²⁵ Струмилин С. Г. На плановом фронте. С. 493.

разделяется по общей стоимости основных фондов. Вряд ли за период для зданий в их стоимости могла существенно измениться. По данным, приводимым в книге Я. Б. Кваши «Амортизация и сроки службы основных фондов», было определено, что промышленные основные фонды, построенные до 1917 г., составили 220 млн м², а в 1918—1927 гг. — 31,9 млн м². В 1922—1923 гг. восстановительная стоимость промышленных основных фондов составила свыше 7,8 млрд руб.²⁶, или 35 руб. за 1 м². За 1922—1923—1927—1928 гг. было введено в действие 2,5 млрд руб. промышленных основных фондов, что в расчете на 1 м² составило 78 руб., т. е. в два с лишним раза больше, чем по результатам генеральной инвентаризации.

Из сказанного вытекает, что стоимость основных фондов в результате генеральной инвентаризации была занижена, как минимум, в 1,5 раза. Это значит, что их реальная стоимость (с учетом износа) составила в 1928 г. не 70 млрд руб., а как минимум 105 млрд руб., по возможно, и значительно больше.

Заниженность оценки основных фондов приводила к недооценке амортизации основных фондов. Объем амортизации в 1928 г. определялся в размере 3,5 млрд руб.²⁷. По отношению к первоначальной восстановительной стоимости в более чем 100 млрд руб. (при 30 % износа) получается размер амортизации, равный 3,5 %, что является обоснованным. Однако при заниженности основных фондов в 1,5 раза размер амортизации увеличивается на 1,75 млрд руб., а размер накопления в основные фонды сокращается до 1,55 млрд руб., т. е. не выше 1,5 % к стоимости основных фондов с учетом износа и еще меньше к их первоначальной стоимости.

В конце 20-х годов при сохранении износа не было условий для увеличения доли основных производственных фондов. Только для поддержания мизерного уровня обеспеченности населения жильем и другими культурно-бытовыми учреждениями при росте населения в 2 % в год требовалось увеличить непроизводственные фонды на 10 % за пятилетку.

Однако реальные возможности значительного роста определяются активной частью фондов — оборудованием. А возможности роста парка оборудования были еще меньшими, чем всех основных фондов. В результате первой мировой и гражданской войн из процесса обновления оборудования выпало 10—15 лет. Парк оборудования исключительно сильно изнашивался. В конце 20-х годов по многим видам оборудования потребность в замене изнашивающегося оборудования оказалась больше, чем возможности по их замене.

²⁶ Барун М. А. Основы капитал промышленности. М., 1930. С. 32.

²⁷ Народное хозяйство СССР. М., 1932. С. 26.

По такому важному виду оборудования, как паровые котлы, потребность в их выводе (со сроком службы более 25 лет) за пятилетку составила более 900 тыс. м² площади нагрева²⁸, в то время как объем отечественного производства — 88 тыс. м², а импорта, по нашим подсчетам, — 100 тыс. м², иначе говоря, производство и импорт лишь покрывали выбытие. Примерно такое же положение складывалось и по первичным двигателям, по металлорежущим станкам.

Еще хуже было положение в других отраслях. При парке паровозов более 20 тыс. штук и необходимом выбытии как минимум 600 паровозов, производство составляло лишь 477 против 479 штук в 1913 г. В конце 1928 г. практически прекратился рост поголовья скота. Рост объема жилья в городе и на селе с учетом реального размера амортизации прекратился.

5—10 % роста основных производственных фондов — вот что ожидало народное хозяйство СССР при сохранении аза в сложившемся его виде в предстоящую пятилетку.

Трудно было ожидать в первую пятилетку роста фондоотдачи. Ее возможный рост должен был компенсироваться падением вследствие высокой фондоотдачи в тяжелой промышленности, куда предусматривалось направить значительную часть фондов, и ухудшением использования новых фондов, неизбежным на первом этапе их освоения. К тому же и рост фондов в размере 5—10 % за пятилетку не был гарантирован. При длительных сроках строительства значительная часть капитальных вложений в новое строительство могла материализоваться уже за пределами первой пятилетки.

Таким образом, объективно складывалась ситуация практического застоя, ведь рост национального дохода оказывался меньше, чем рост населения (2 % в год). К концу пятилетки не достигался даже уровень национального дохода предреволюционной России, а доля национального дохода СССР могла составить лишь 15 % уровня США, в то время как в 1913 г. эта доля составляла 30 %. Еще хуже складывалось положение по новейшим отраслям промышленности: электроэнергетики, химии, автомобильной, тракторной и авиационной промышленности. Здесь отставание измерялось уже десятками раз, и даже сокращение его казалось невозможным. При такой отсталой экономике невозможно было иметь не то что сильные, а минимально допустимые для любой страны вооруженные силы. И по численности, и по вооружению в сравнении с другими крупными странами их отставание было гораздо сильнее, чем в дореволюционной России.

Численность Красной Армии была намного ниже, чем в дореволюционной России (0,56 вместо 1,4 млн человек перед первой мировой войной и 0,9 млн в начале XX века). У Красной Армии практически

²⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства М., 1929, т. 2. С. 21.

не было танковых войск, современной авиации, тяжелой артиллерии, автомобилей, радиосвязи.

Перед партийным и государственным руководством в конце 20-х годов вырисовывалась перспектива экономической стагнации, военного бессилия. Это делало неизбежным рано или поздно внутренний социальный взрыв или поражение при первом же военном столкновении, которые возникали часто и между капиталистическими странами и тем более были вероятны между социалистической страной и капиталистическим миром²⁹.

Не знаю, имело ли тогдашнее руководство полностью правдивую картину положения в экономике страны. Скорее всего, имело. Тогда еще было немало прекрасных экономистов и внутри страны, и в эмиграции. Но оно знало цену нашей статистике и верило не благополучным цифрам в рублях, а грубой натуре, которая уже тогда длинными очередями в городах, «хлебными забастовками» в деревнях и авариями в промышленности говорила о кризисном состоянии дел в экономике.

Внимательное изучение работ Н. И. Бухарина 1927—1928 гг. показывает, что он в полной мере понимал безмерную сложность реконструкционного периода и низкую эффективность советской экономики. Много правильное говорилось им о путях преодоления трудностей. Это повышение культурного уровня населения, расширение инициативы трудящихся и предприятий, большая роль статистики, науки и т. д. Однако «план» Бухарина скорее указывал, что надо делать, чем как делать. Н. И. Бухарин не был готов к коренным изменениям сложившейся модели государственного и хозяйственного строительства. Он скорее призывал к частным, хотя и крупным реформам. И не было никакой уверенности, что даже их проведение, крайне сложное при реалиях того периода, резко и быстро повысит эффективность производства и решит проблемы накопления. Думаю, именно этим в решающей степени объясняется то, что большинство в Политбюро и ЦК в конце концов приняло сторону Сталина.

Партийному и государственному руководству СССР в конце 20-х годов пришлось решать экономические и социальные проблемы, оставленные им в наследство предшествующим периодом революции и социалистического строительства. К экономической и культурной отсталости дореволюционной России добавились огромные материальные, людские и культурные потери гражданской войны, эмиграция значительной части русской интеллигенции, выпадение более 10 лет из экономического и культурного развития. Принятый в конце

²⁹ Впервые такая опасность возникла уже через 3 года, когда Япония захватила Маньчжурию.

20-х годов курс был следствием отнюдь не только авторитарных наклонностей значительной части руководства этого периода. Он был еще и актом отчаяния людей, поставленных перед выбором: медленная агония или отчаянная попытка вырваться из отсталости, несмотря на возможные жертвы населения. Партийное руководство выбрало после колебаний второй вариант. Напомним, что этот выбор вовсе не был неожиданным. Он в общих чертах представлен еще в 1924 г. Е. Преображенским, который ясно видел, что самая сложная проблема возникнет в конце восстановительного периода, при решении проблемы источников накопления. Не обольщаясь эффективностью общественного сектора и возможностью притока иностранного капитала, Е. Преображенский уповал в основном на перекачку средств из несоциалистического сектора, главным образом из сельского хозяйства. С глубоким пессимизмом в связи с отсталостью Советской России глядели на перспективы социалистического строительства и Троцкий, Каменев и Зиновьев, которые уповали на мировую революцию.

Уже в год «великого перелома» (1929 г.) стало ясно, что отказавшись от плана, гораздо легче решить проблему накопления. Сталин в статье «Год великого перелома» торжествующе приводил данные о росте объема капитальных вложений в крупную промышленность с 1,6 млрд руб. в 1928 г. до 3,4 млрд в 1929 г., или более чем в 2 раза. Даже с учетом немалого (не менее 20 %) скрытого роста цен результат поражал. Намного легче стало решать проблемы строительных рабочих. Ими стали репрессированные зажиточные крестьяне и пэпманы, а также крестьяне, отчаявшиеся от непосильных поборов. В 1,5 раза (!) за один год выросла вывозка древесины. Это позволило и обеспечить прирост строительных работ, и почти вдвое увеличить экспорт древесины³⁰, в результате чего впервые после нескольких лет застоя существенно вырос экспорт. Он имел ключевое значение для индустриализации, для которой требовалось большое количество иностранного оборудования и материалов. Кто же добывал тот лес? Те же заключенные и подневольные крестьяне, которых насильно загоняли на лесозаготовки³¹. При росте городского населения на 1,5—2 млн человек в год в городах вводилось примерно 5,3 млн м² жилой площади, т. е. по 2,5—3 м² на человека, при средней обеспеченности одного городского жителя в 8 м². На такой жилой площади могли жить только отчаявшиеся люди. По-видимому, заключенные не включались в городское население. Они жили в еще худших условиях.

Выскажу предположение: раскаяние Н. И. Бухарина и его сторонников в конце 1929 г. не было только результатом давления пар-

³⁰ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 104.

³¹ Благодаря заключенным удалось сильно поднять и добычу золота, столь же необходимого для индустриализации, как и лес,

тийного аппарата. Думаю, что на них действительно произвело огромное впечатление благополучное (пусть и с жертвами, какая же революция без жертв!) решение проблемы финансирования накопления. И не так уж и лукавил И. И. Бухарин в своем предсмертном письме, что семь лет (т.е. с 1929 г.) у него не было никаких политических разногласий со Сталиным. Другое дело, что после первой пятилетки, когда основы тяжелой промышленности были созданы, И. И. Бухарин считал возможной «оттепель» в экономике и политике.

МОЖНО ЛИ БЫЛО ПРЕДОТВРАТИТЬ ГИБЕЛЬ НЭПА?

Так что же, гибельзна и победа Административной системы были фатальными, предотвратить их было невозможно? Думаю, что в конце 20-х годов это было так. Последний шанс для других решений в рамках сложившейся социальной системы был упущен в начале 20-х годов. Он и тогда был невелик, но все же не равнялся нулю. Крах «военного коммунизма» вызвал такое идеологическое потрясение в партии и обществе, что попытка коренного пересмотра понятия социализма тогда была возможна. Однако, как это часто бывало в русской истории и в прошлом и в последующем, изменения носили хотя и значительный, но не радикальный характер. Сделав первые крупные шаги по изменению хозяйственного и общественно-го механизма (отмена продразверстки, введение свободной торговли, перевод части промышленности на хозрасчет, ограничение роли ВЧК и частичное восстановление законности и правопорядка), руководители партии и государства решили, что дальнейшее движение в том же направлении грозит гибелью социализма. И вот уже на XI съезде РКП(б) торжественно объявляется: отступление закончено. Да и зачем, скажите, отступать, когда непосредственная опасность устранена, крестьянские мятежи прекращены и сельское хозяйство начинает возрождаться?!

Лозунг подкреплялся делами. На Генуэзской конференции, вопреки позиции ряда делегатов от РСФСР (Красина, Чичерина, Литвинова), советская делегация отказывается от заключения соглашения с западными державами по вопросу о долгах России, ставившегося условием предоставления Советской России жизненно необходимых займов. В конце 1922 г. аннулируется уже подписанное Л. Красным соглашение о предоставлении концессии Л. Уркарту.

Если без этих займов и притока в других формах иностранного капитала не могла быстро развиваться экономика дореволюционной России²², то насколько больше они были нужны разоренной гражда-

²² Иностранцам принадлежало 30—40% капитала русской промышленности, велика была его роль в железнодорожном строительстве и кредитной системе.

ской войной стране Советов! В конце 1922 г. отклоняется предложение даже о частичном ослаблении монополии внешней торговли, которую Н. И. Бухарин справедливо называл «главзапором». Монополия внешней торговли являлась крупнейшим препятствием для расширения внешнеэкономических связей, а без их развития был немислим долговременный экономический подъем. Даже в 1928 г. из-за небольших объемов экспорта СССР смог ввести лишь половину импорта оборудования дореволюционной России. Чтобы добиться этого, пришлось пожертвовать импортом предметов потребления, который сократился по сравнению с 1913 г. в 10 раз, что, конечно, снизило уровень жизни населения.

Наряду с этими экономическими решениями, идущими вразрез с самой идеей нэпа, отмечу и такие политические события 1922 г., как процесс руководителей партии правых эсеров и высылка за границу около 200 крупнейших представителей русской интеллигенции, показавшие, что коренных изменений в системе однопартийной диктатуры в Советской России предпринимать не собираются.

В партии были тогда голоса, требующие более глубоких перемен. Я уже говорил о позиции ряда советских делегатов на Генуэзской конференции. Накануне Генуи Чичерин предлагал ввести дополнения в конституцию, дающие избирательные права тем, кто был их лишен ранее. Но его предложение даже не стали рассматривать. Н. Осипский на X партконференции летом 1921 г. высказался в пользу создания крестьянской партии. Г. Мясников тогда же предлагал свободу печати — от монархистов до анархистов. На XII съезде партии К. Радек и Л. Красин говорили о необходимости дополнить крестьянский нэп внешнеэкономическим нэпом. Но все названные (и другие) предложения о расширении нэпа категорически отвергались. Конечно, в них был известный риск. Страсти, разожженные гражданской войной, были слишком свежи в памяти, чтобы наладить единый социалистический фронт с меньшевиками и эсерами, столь необходимый для сплочения всех сил социализма в борьбе демократическими методами с антисоциалистическими силами. Казалось немислимым и даже постыдным победителям в гражданской войне идти на поклон к побежденным. И, конечно, это требовало коренных реформ самой Коммунистической партии, которая родилась и жила в непрерывной борьбе с другими социалистическими течениями. Именно поэтому я и считаю шанс 1922 г. столь малым. Потребовалось много десятилетий, чтобы началось осознание того, о чем говорил в 1924 г. В. Пильняк: не Россия для коммунистов, а коммунисты для России.

Советская экономика 20-х годов представляла собой причудливое сплетение рыночных и административных методов управления. Можно понять, когда советские экономисты в поиске примера для

подражания обращаются к методам управления и формам хозяйствования 20-х годов и находят там столь милые их сердцу хозяйственные формы хозяйствования. Но при этом упускается из виду значительная роль административных методов в то время. Административная система 30—50-х годов была заложена в 20-е, а вовсе не построена на голом месте. Правда, роль административного управления в период нэпа не оставалась неизменной: она то падала (1921—1923 гг.), то росла в 1926—1928 гг.

Нэп отнюдь не являлся периодом гармоничного и бескризисного развития. Напротив, кризисы были почти непрерывно. Финансовый кризис весной 1922 г., кризис сбыта осенью 1923 г., товарный кризис 1924 г., рост инфляционных тенденций и товарный голод конца 1925 г. — вот только некоторые кризисы первого этапа нэпа. Они все больше подтачивали его устой. Если первый удар по цепу был нанесен в 1922 г. отказом признать долги и ограничить монополию внешней торговли, то второй удар был нанесен осенью 1923 г., когда под влиянием кризиса сбыта начали устанавливать директивные цены на предметы потребления. Чуждое рыночной экономике установление директивных цен привело к товарному голоду 1924 г., и так и не было отменено, став элементом управляемой экономики.

Бесспорно, крупнейшим достижением первого этапа нэпа явилось создание в апреле 1924 г. твердой валюты — червонца, свободно обмениваемого населением и предприятиями на иностранную валюту. Но часто этим и завершается описание судьбы червонца. Между тем эта твердая валюта продержалась не больше двух лет. Слабым местом червонца явилась низкая величина золотого запаса, составлявшего лишь $\frac{1}{7}$ дореволюционного, нереальный курс червонца и малый объем советского экспорта. Стоило только положительному сальдо торгового баланса под влиянием невыполнения нереальных плановых заданий на 1925 г. смениться отрицательным, как вся денежная система зашаталась. Теряя золотой запас и не будучи способным получить помощь извне, Госбанк уже в начале 1926 г. отказался от обмена советских денег на иностранную валюту.

Не нужно долго доказывать, что монополия внешней торговли, твердые цены, нереальный валютный курс и неконвертируемая валюта никак не вписываются в рыночную экономику. Процесс ее ликвидации, как видим, шел не одновременно, а как ряд последовательных мероприятий, оставлявших все меньше и меньше от нэпа.

Последняя попытка реанимировать нэп была предпринята в 1925 г. Были сняты многие ограничения на развитие крестьянского хозяйства, расширены политические права крестьян. Но стоило уменьшиться числу голосов, отданных за коммунистов на выборах в сельские Советы, как от ряда сделанных уступок уже в начале

1926 г. отказались. Был осужден в том же 1925 г. Н. И. Бухарин за лозунг «обогащайтесь».

1926—1927-й — это годы непрерывного усиления нажима на частный сектор. Веда борьбу с троцкистско-зиновьевской оппозицией, партия фактически принимала многие ее лозунги и предложения в области нажима на частный сектор, перскачки средств из него для нужд индустриализации. Не стапу приводить конкретные факты — они имеются в любой книге по истории этого периода. Хочу обратить внимание на один, значение которого, по-моему, недооценивается. В условиях нехватки финансовых ресурсов летом 1927 г. советское государство впервые выпустило принудительные займы. Кстати, и это предложение выдвигалось оппозицией. Принудительные займы до этого выпускались только в войну. Теперь же, в мирное время, это стало системой в практике советского бюджета.

Собственно говоря, уже в 1927 г. стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых ресурсов обычными методами. Именно об этом свидетельствовал выпуск принудительных займов. Даже явно недостаточная величина финансовых ресурсов в 1928 г. была слишком тяжела для советской экономики. Чтобы ее сохранить, нужны были и принудительные займы, и излишняя эмиссия, и завышенные цены на сельскохозяйственную продукцию, особенно зерно. Все эти рычаги также были чужды нэпу.

Теоретически и тогда можно было попытаться возродить умпрающий нэп, проводя мероприятия, от которых отказались в 1922—1923 гг. Именно это предлагали Н. Д. Кондратьев, В. А. Базаров, В. Г. Громан и их сторонники (речь часто шла не о нэпе). Но в партии они уже не имели поддержки. Даже Н. И. Бухарин в 1927—1928 гг. выдвигал все новые предложения по наступлению на частный сектор.

Время было упущено.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Н. И. Бухарин «ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ»

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. 1925—1928 гг.

30 печатных листов. (Републикация через 60 лет 10-ти статей и выступлений. Комментарии специалистов. Библиография работ за 1912—1936 гг.)

Принимаются заказы:

630090, Новосибирск-90, Морской проспект, 22
магазин «Наука», отдел «Книга — почтой».